

"Вы идете к Саган, но она же наверняка будет пьяной. Да вам и не найти ее, она прячется от журналистов, от издателей, ото всех. Это же баловень Парижа. Птичка певчая. Шалуныя".

О шалостях Франсуазы Саган действительно много говорят. То она вдруг выходит босиком на улицы, то в безумно дорогой машине, дорогой даже для богатых, гоняет со скоростью двести километров в час, то она становится алкоголичкой, то наркоманкой.

Но Франсуаза мне жутко понравилась. Своими естественными манерами, раскованностью, мгновенной реакцией, радушием...

Франсуаза САГАН:

Встр. клуб. — 1996. — 18 июня. — С.Ф.

В меня был влюблен даже русский солдат

Началось с того, что она опоздала, и я со своим переводчиком — журналистом Семеном Мирским — в течение часа томился в квартире Саган, потягивая аперитив. Я все думал о том, как нам расположиться при разговоре, чтобы записать на пленку все, что будет говорить писательница. И когда с извинениями влетела в комнату хозяйка, я спросил, как же нам поудобнее сесть: на диван, на стулья, за столом? Франсуаза Саган мгновенно парировала: "Я виновата и готова сесть хоть к вам на колени!" Пассаж неожиданный, но зато мы сразу почувствовали себя раскованными. И мне еще сильнее захотелось говорить с Франсуазой Саган не только о литературе, но и о том, как создаются идолы, земные боги, "суперстарты" XX века. Да и шутка ли, уже много-много лет книги писательницы не покидают списки бестселлеров. И сегодня они расходятся гигантским для Франции иражом в двести—триста тысяч экземпляров.

— Мне кажется, что в вашей жизни нет никаких проблем. Что волнует вас в этом мире?

— Литература! Это страсть моей жизни, единственная непреходящая страсть. А кроме нее? Люди, природа, игра.

— Как-то Уильям Сароян обмолвился, что его не страшит ситуация, при которой он не будет знать, о чем писать: пока он жив, он будет находить героев своих книг в себе. Скажите, ваши романы, ваши книги — это ваша жизнь или чужая? До встречи с вами мне казалось, что ваша.

— Это не моя жизнь, это не жизнь других, это плод воображения. Пока воображение действует, все будет в порядке, как только оно перестанет генерировать, кончится все. Для меня кончится моя жизнь, дальнейшая жизнь в литературе.

— А могли бы вы написать роман не о себе, а о каком-то историческом герое, о конкретной личности?

— Вы знаете, у меня уже есть книга, в которой я обмениваюсь письмами с Сарой Бернар. Разумеется, это как бы фиктивная переписка, тем не менее она основана на биографии великой актрисы. Когда пишешь исторический роман или биографию, тебя ограничивают какие-то факты, они сжимают пределы, рамки воображения, и, кроме того, всегда находятся люди, которые скажут, что здесь это не так и вот тут не эдак. Они могут

придираться к неточной детали, к приблизительному или не перепроверенному факту.

— Поэтому лучше фантазия?

— Да.

— А почему Сара Бернар?

— Бернар — одна из немногих знаменитых женщин, которая весело прожила свою жизнь. Жизнь, не закончившаяся в бедности, в каком-то приюте для сирот. Сара Бернар не была наказана за то, что так весело прожила отпущенное богом.

— Ваша жизнь сложилась удачно, вы счастливы?

— Да, я счастлива! Моя жизнь была счастливой.

— То есть вы прожили и проживаете веселую, удачную, талантливую, счастливую, богатую жизнь?

— Да, вполне, вполне. Надо, впрочем, постучать по сухому дереву, чтобы не сглазить, ведь завтра пятница... Ну, конечно, я была и на щите, и под щитом, всякое бывало. Ведь можно иметь тираж книги в полмиллиона, но достаточно влюбиться в какого-нибудь кретина и из-за этого страдать.

— Я слышал мнения критиков и читателей, что ваши романы — это как бы академия любви, некая наука интимных отношений между мужчиной и женщиной.

— Не уверена, этим делам в школе не обучают. И в академии тоже.

— А вообще литература в состоянии помочь человеку по-настоящему любить?

— Я иногда получаю письма, в которых читатели извещают меня о том, что с ними произошло что-то, о чем говорится в одном из моих романов. В этом отношении мои книги имеют своеобразное тоническое воздействие на людей.

— Я слышал, что вы дружили с Сартром. У нас в России им по-прежнему интересуются. Может быть, вы расскажете о вашем друге? Хотя бы немного.

— Сартр не терпел всяких драм и все принимал легко и весело. А вообще-то зачастую это просто вопрос элементарной вежливости. Что бы ни случилось, лучше быть всегда веселым... У меня есть книга воспоминаний, в которой все подробно описано: как мы познакомились, общались, о чем говорили, спорили... Я подарю вам эту книгу, и вы можете воспользоваться ею.

Клубные встречи

— Спасибо, непременно воспользуюсь. Возникло ли у вас желание стать членом Академии бессмертных?

— Нет, мне предлагали, я отказалась.

— Почему?

— Во-первых, все они старые, во-вторых, все они правые. Это, знаете ли, склероз какой-то, мертвая вещь. Некрасиво, быть может, так говорить, но тем не менее... И кроме того, там нет ни одного писателя, которым я восхищаюсь. Нет и не было. Многие выдающиеся писатели Франции не состояли в Академии. И мне туда не хочется. И потом, мои друзья, люди, которые знают меня, они ведь считают меня человеком свободным, и если бы я вошла в Академию, я бы их сильно разочаровала. Конечно, там можно получать большие деньги, можно пользоваться привилегиями. Если ты член Французской академии, то с тобой никто ничего не может сделать. Вы защищены во всем, даже полиция не смеет к вам подойти. Но... но все равно не стоит...

— Как вы относитесь к точке зрения некоторых критиков, упрекающих вас в узости жизненных интересов, наблюдений?

— В чем, к примеру, я узка, что не попало в поле моего зрения: астрономия, экономика, физика — о чем речь?

— О том, что действие ваших романов протекает в светских квартирах, в значительных местах, что основное содержание — амурные дела, а вот общественно-политическая жизнь якобы отсутствует.

— Да, вы правы: меня нередко упрекают в том, что фон моих романов — это роскошные места обитания очень богатых людей. Однажды я написала книгу, в которой действующими лицами были люди бедные. И те же критики начали писать в таком роде, что, дескать, зачем она

кой и уже не знаю чем... Два раза всплывала эта история, в которой я обвинялась в нарушении закона, и вы знаете — оба раза (какая случайность! сами понимаете, в кавычках) это было тогда, когда Франсуа Миттеран, с которым мы дружили, баллотировался на выборах. Для того чтобы помешать Миттерану, крайне правый фашистский журнал "Минют" обвинял меня во всех смертных грехах.

— Вы подавали на журналистов в суд?

— Да, их приговорили к денежному штрафу на сумму в десять тысяч франков.

... Заговорили о России.

— Я люблю русских, русский характер, к России я всегда относилась с восторгом. Моя бабушка со стороны отца была русской.

— Вот как! Неожиданно и приятно.

— Бабушка со стороны матери — французка, но в принципе семья русского происхождения, родом из-под Петербурга. В моем характере есть склонность к игре, и мне говорили, что в этом моя русскость. Этот аргумент я использую для того, чтобы извинить эту мою слабость. Да, я люблю русский пейзаж, русскую литературу.

— А как вы относитесь к Достоевскому, например?

— Это самый великий русский писатель.

— Не считаете ли вы, что он оказался великим пророком и что его "бесовствующие" герои в жизни отбросили мир, общество назад?

— Будущее мира не в капитализме, не в бегах, а в... форде.

...Прошу Франсуазу Саган вспомнить (в который уже для нее раз!), как все начиналось, как написана первая повесть, были ли писательство, литературная работа неожиданным для нее ремеслом.

— Тогда я училась в Сорбонне. Я провалила экзаменационную сессию, было лето, и я осталась с отцом в Париже. Чем заняться? И я решила что-то такое написать. К осени повесть была готова. Я сама отнесла рукопись к издателю, который быстро ее напечатал. Ну и все завертелось... Так что писателем я стала довольно неожиданно. Хотя с четырнадцати лет, когда я начала читать Стендаля, Бальзака, великих русских писателей, я уже мечтала только об одном — о литературе. И тем не менее, повторяю, увидев свою вещь напечатанной, я была поражена.

Разразился гигантский скандал, потому что впервые в литературе девушка, которая занимается любовью с молодым парнем, не страдает и не оказывается беременной. Полагалось, что после этого она должна быть беременной и обязательно наказанной за свой грех. В книге же этого не произошло, вот и вышел скандал. Ведь в то время плотская любовь у нас в литературе считалась запрещенной. Удивительно, как меняются нравы, но сегодня в такой же степени она является обязательной...

Портрет одной из самых знаменитых французских писательниц был бы неполным, если бы я не сообщил, что она не знает сама, но ей кажется, что написано около двадцати романов, шесть или семь пьес, несколько сборников рассказов и огромное количество статей; что живет она вместе с сыном, и пока мать и сын хорошо понимают друг друга, что же касается того, читает ли он книги матери, то Саган ответила, что ее семья целомудренна и о таких вещах не говорит; что у Франсуазы две машины: одна марки "Мерседес-Бенц", эта машина для поездки в деревню; другая — маленькая, для езды по городу, очень удобная и очень быстрая, марки "Рено-Тюбо". И еще: интервью она дает весьма редко, лишь в течение двух недель после выхода очередной книги, это нужно издательству, не писательнице: "Потому что если все время принимать журналистов, то кончишь тем, что будешь жить, как на пьедестале".

Прощаясь с Франсуазой Саган, я решил рассказать ей давнюю историю моей заочной любви к совсем юной писательнице, автору повести "Здравствуй, грусть". Было это в начале шестидесятых годов, я служил тогда в армии и однажды в гарнизонной библиотеке наткнулся на сообщение в газетах о молодой французской писательнице и ее первой книге. В статье пересказывалось содержание повести, была помещена биографическая справка. Этого оказалось достаточно, чтобы разыгралось мое воображение. Я безумно влюбился в далекую французскую девушку, ночью не спал.

Франсуаза расхохоталась своим мелким стремительным смехом и заключила:

— Весь наш разговор о литературе не стоит одной этой новеллы. Вот он — самый веский аргумент в мою пользу: "В меня был влюблен русский солдат".

*На секунду Франсуаза запнулась и добавила: "Даже русский солдат".
Но я не обиделся.*

Встречался Феликс МЕДВЕДЕВ.

Париж—Москва.

Фото Робера Дуано из альбома "Doisneau. Mes gens de plume".